

♠Annotation

Я порвала с прошлым. Дикие равнины, магия и демоны, готовые явиться по первому зову – вот мое настоящее и мое будущее.

Но так ли это? Что делать, если охотник на ведьм, мой враг, вдруг накинёт удавку на шею, привяжет, направит на опасные и, может быть, даже смертельные поиски? И не кого-то, а убийцы. Его убийцы.

Ловушка для Луны

ГЛАВА 1. ЛУНА НА ВЕРЕВОЧКЕ

ГЛАВА 2. ВОСХОД ЧЕРНОЙ ЛУНЫ

ГЛАВА 3. ЛУНА В ЛОВУШКЕ

ГЛАВА 4. ГОСПОЖА ЛУНА

ЭПИЛОГ

Конец

♠Ловушка для Луны

Анастасия Волжская

♠ГЛАВА 1. ЛУНА НА ВЕРЕВОЧКЕ

Если бы я не знала, что он совершенно, абсолютно, окончательно и бесповоротно мертв, то бы решила, что все это его большой хитрый план, чтобы заманить меня в ловушку. Сыграть на чувствах одной плохой самовлюбленной ведьмы, подсунув ей лучшее из всех возможных свидетельств капитуляции – приглашение на свои собственные похороны. Не карточку с приглашением, конечно. От карточки за милю несло бы подставой – кто же присылает приглашения по адресу, которого в нормальном мире не существует? Но можно пустить слух, что некий пограничник по прозвищу Тень недавно отправился в лучший мир на постоянное место жительства, и убедиться, что плохая самовлюбленная ведьма это услышит. Тогда она точно придет позлорадствовать.

Вот так все просто.

На кладбище холодно. Говорят, там всегда холодно, и это нематериальный, ненастоящий холод. От земли, от свежих могил, от увядающих тусклых цветов и темных надгробий веет могильной стужей, холодом той стороны. Где-то здесь, рядом, под слоем размокших разноцветных листьев и склизкой рыжевато-земли лежат тысячи мертвых, тысячи пустых, вакантных тел. Тысячи существ, которых можно поднять, вдохнуть в них жизнь и подчинить себе. Тысячи тел, с помощью которых демоны могут стать материальными.

Но не все это понимают.

Я сижу на земле возле его могилы, скрестив ноги и засунув руки в карманы куртки. Надгробие простое – потемневшая от сырости деревяшка, на которой вырезано только прозвище – Тень. Понятия не имею, мера ли это предосторожности – чего только ни способны сотворить демоны, зная настоящее имя, а труп ты или нет, им без разницы. По правде говоря, труп он, может, и полезнее будет; это как пустая квартира: хочешь – занимай. А, может, те, кто его хоронил, и имени настоящего не знали. Тень и Тень, кому какое дело. Едва ли он жил по принципу “заведи сто друзей” – скорее уж “уничтожь сто врагов”. Вот и закопали труп так, без другого имени. Свет с ним – и ладно.

♠ Хотя нет, не так все было. Убили, похоронили, подписали первую попавшуюся деревяшку – и пусть себе гниет.

Стоп. Убили?

Я оборачиваюсь.

От него немногое осталось – он выцветший, поблекший и полупрозрачный. Стоит у меня за спиной, вроде как на земле, как нормальный, но то, что он не нормальный, бросается в глаза сразу. В остальном – помимо того, что он просвечивает, как помутневшая стекляшка, и по цвету серо-коричневый – он не изменился. Все такой же высокий и худощавый, с призрачной щетиной на призрачном подбородке и полным презрением к низшим формам жизни взглядом. Даже волосы у него той же длины, как и два месяца назад, когда мы последний раз виделись.

Только вот Тень теперь тень. По-настоящему.

– Убили? – переспрашиваю я. Без особого энтузиазма, потому как призраки в голову лезть сами по себе не должны. Им, призракам, этого не дано – это демоны влезут куда угодно, перемешают все по своему усмотрению и отправятся дальше по демоническим делам, оставив после себя только пустую оболочку, “пустышку”. А призракам мысли лучше держать при себе, пока их не спросят, потому как отправить их обратно – дело, в общем-то, плевое. – Может, это ты сам себя убил.

– Сам себя? – Он усмехается. Все та же усмешка, что и при жизни – меня от нее и сейчас наизнанку выворачивает. Усмешка в духе “никуда ты от меня не денешься, я все про тебя знаю”.

Да, мы старые знакомые. По моим нынешним меркам даже очень старые знакомые, потому как в жизни злобной равнинной ведьмы мало кто задерживается дольше, чем на пару месяцев. А Тень маячит на горизонте вот уже несколько лет, омрачая мое радостное, безбедное и совершенно аморальное существование.

– Ты тело-то мое видела?

– А ты предлагаешь его откопать и произвести вскрытие?

Изучить, так скажем, изнутри.

Серо-коричневые губы кривятся в странноватой улыбке.

– Попробуй. Только его там, – кивает на могилу, – все равно нет. Что делают с такими, как я, Принцесса? Верно – сжигают. Могила – пустышка, для отвода глаз. Но, думаю, ты сможешь позвать своих маленьких друзей, чтобы собрать мой многострадальный прах и слепить все на место. Этим ты, кажется, любишь заниматься – созданием людей из того, что под руку попадет.

– Не нарывайся, – предупреждаю я.

Отправлять призраков назад – дело несложное. Прослеживаешь связь, находишь зацепку и рвешь ее, как нитку, без особых усилий. У призраков связи тонкие и непрочные, и максимум, что они могут сделать – утянуть с собой того, за кого зацепился. Какого-нибудь невезучего прохожего, который совершенно случайно оказался не в то время и не в том месте – рядом с умирающим, которому совсем не хотелось умирать. Последнее Желание – штука мерзкая.

Тень стоит, точнее, висит в воздухе, уперев призрачные руки в призрачные бока, и призрачная ухмылка кривит призрачные губы. Блефует. Как всегда, блефует.

Или...

– А то что? Мы с тобой отправимся в увлекательное путешествие в другие миры?

Тут я закрываю глаза. Потому что мысль, проскользнувшая в голову, совершенно дикая и абсолютно неприятная. От этой мысли

меня чуть наизнанку не выворачивает. Попасться, как молоденькой и неопытной...

... нет. Быть такого не может! Не первый же день я на свете живу?

Мне не нужно много времени, чтобы сосредоточиться: я делала это столько раз, что сконцентрировать в одной точке, а потом перенаправить внутреннюю энергию, занимает не больше секунды.

Вот я уже широко раскрываю глаза — и вижу.

Связи опутывают меня. Разнообразные, разноцветные, разномастные и разносортные — они тянутся от моего тела куда-то в пустоту. Стоит легонько потянуть за любую, как на другом конце дернется марионетка. Кучка мелких демонов, слепленных в одного идеального мужа. Кучка мелких демонов, заменяющих убитого любимого. Мелкий демон, внедренный в чье-то сознание, чтобы внушить нужные чувства.

Приворот. Отворот. Воскрешение мертвых. Создание идеального спутника жизни. Что угодно, как угодно. Только выскажите пожелание и назовите цену. Я могу все. Мы можем все. Такие, как я — равнинные **▲**ведьмы, плохие ведьмы — мы призываем демонов. Живем этим. Дышим этим. Любим это.

Отбрасываю лишние связи, отсеиваю, как мелкий песок, и... да. Вот оно, Последнее Желание. Его чертово Последнее Желание. Обвилось вокруг моей руки, впилося в кожу черной, выжженной полосой с красноватыми, воспаленными краями. Говорят, смерть черная с красным, потому и нить Последнего Желания черная и впивается так, чтобы то и дело проступала красная кровь. Напоминает о себе, предупреждает. Все мы смертны, даже ведьмы.

У любой вещи есть изнанка. А уж про Последнее Желание можно запросто сказать, что оно состоит из одной изнанки. Хоть ты ноги в кровь сотри, исполняя то, что поганый труп соизволил пожелать, в итоге не получишь совершенно ничего. Никакой платы за потраченное время и силы. Никакого вознаграждения. Ни-че-го.

И не исполнить нельзя. Опасно, рискованно. Кто знает, сможешь ли ты в последний момент выбраться из затянувшейся вокруг шеи петли? Разорвешь ли связь прежде, чем призрак утянет тебя за собой?

На вопрос, к я задавалась все время, пока пробиралась сквозь мудреные цепи ограждений, отделяющие пригород от диких равнин, наконец, находится ответ. У меня не было выбора. Да, не было. И неудивительно, что я ни секунды не сомневалась, что он абсолютно мертв. Последнее Желание, тонкая, черная нить, соединившая нас, чертово Последнее Желание привело меня сюда. И подсознательно у меня действительно не было выбора — оно бы толкало и тянуло меня к городу, к кладбищу, пока я не встретила бы с тенью того, кто был когда-то Тенем. Мне нужно было послушать его проклятое желание.

— Что-то ты побледнела, красавица, — он ухмыляется. Тень и его вечная ухмылка на губах. Самоуверенный и самовлюбленный, нежелающий и не умеющий отступить, всегда идущий до конца любой ценой — он похож на меня. Я бы тоже никогда не сдалась. Даже в самом конце. Даже когда все начало бы меркнуть и исчезать, когда меня начало бы затягивать в глубины неизведанного, я бы нашла способ.

Как нашел он.

— Неужели твои дружки-пограничники не перевернут весь этот город вверх дном и не порвут в клочья того, кто тебя убил?

▲ Я уступаю ему, поддаюсь. Решаюсь проиграть битву, чтобы

выиграть войну. Может, удастся отделаться малой кровью. Уговорить его на простенькое, глупое Последнее Желание. Сообщение кому передать. С близкими за него попрощаться.

Но с Тенем не все так просто. С такими ничего не бывает просто.

– Мои, как ты выражаешься, дружки-пограничники, – с нажимом произносит он, – понятия не имеет, кто меня убил.

– А с чего ты взял, что я имею? – тут же огрызаюсь я. – И не нужно мне твоих тонких намеков. Мы тут не в остроумии соревнуемся – это раз, и времени у меня мало – это два. Я, конечно, с радостью отправила бы тебя в увлекательное путешествие по далеким мирам, но – увы! – я тебя не убивала.

Он кивает своей призрачной головой. Не произносит ни слова, но его ответ – слишком четкий и слишком ясный – сам по себе возникает в моем сознании.

“Я знаю”, – говорит он. – “Я знаю, Лу”.

Его мысленный голос мягкий, вкрадчивый. Призрак проскальзывает в мое сознание, как дым вползает в щель под дверь – осторожно и беззвучно, не задевая ни одной ловушки, ни одного сигнального препятствия. Делает это, как умеют только наделенные талантом – и так, будто занимался этим всю жизнь.

– Забавно, да? – хмыкает он. Теперь уже нормально, вслух. – Ты будто не знала, что так оно и бывает. Чудесная и безграничная близость.

– Не люблю связываться с призраками. И не связываюсь.

– Неудивительно. В твоих шкафах со скелетами можно заблудиться. Страхи, комплексы. Угрызения совести. Но, должен сказать, я теперь лучше тебя понимаю. А всего-то надо было познакомиться чуть поближе. Снять, так сказать, маски.

Он смеется. Призрачный смех, холодный, потусторонний, отражается от могил и надгробий, усиливается. Нарастает постепенно, как приливная волна, накрывает с головой. Затягивает.

Я осознаю, что ему больше ничего не остается, кроме смеха, и мне противно от одной только мысли, что я тоже понимаю его. Страхи, сомнения. Чувства. Вот они, совсем рядом, стоит только нырнуть поглубже, и можно будет читать его, как открытую книгу.

♣ Мы враги, нам положено друг друга не понимать. Но как только он зацепил меня своей связью, опутал, часть моего сознания стала постоянно соприкасаться с частью его, и вместе с этим пришло понимание. Ему ничего не осталось – ни тела, ни свободы, ни возможности покинуть это хмурое мокрое кладбище. Только постепенно меркнущий разум, пустая могила, темная деревяшка с прозвищем вместо имени... и я.

Должно быть, на моем лице отражается что-то из этих кошунственных мыслей о нашем новообретенном взаимопонимании, потому что его призрачное лицо искажается в брезгливой гримасе.

– Вот уж избавь меня от фальшивого сочувствия, Принцесса. Пустышки не чувствуют. А ты и есть пустышка, если не хуже. Продажная безмозглая тварь.

Вот теперь я его чувствую. Он больше не пытается осторожно влезть ко мне в голову, он хочет ворваться туда со всей силы, резко, быстро и больно, пробить мысленные щиты и вырвать у меня признание, что я действительно продажная и безмозглая. Ему нужно в это верить. Это сделает его призрачный мир куда проще, понятнее и спокойнее.

Я вышвыриваю его прочь. Выталкиваю вон из моего сознания, выплескиваю на него долго сдерживаемую злость. Я не слабая глупенькая ведьмочка, которая никак не может понять, что чувства мешают работе. Никогда ей не была. Я вытравила из себя то, что называют человечностью, так давно, что и забыла уже напрочь, как эта хваленая человечность выглядит. Я не привязываюсь к местам, к вещам, к людям. Не чувствую и не сочувствую. В моей жизни есть место для одной единственной настоящей страсти – призыву демонов. Я достаточно сильна, чтобы управлять могущественными созданиями.

И вот, здравствуйте. Попалась. Тень – человек, не демон и даже не маг, а обыкновенный пограничник, охотник на ведьм – умудрился зацепиться за меня Последним Желанием, загнать в ловушку. Он, презирующий любое проявление “грязной магии”, привязал меня к себе, как Луну на веревочке, и все таланты, умения и навыки, так долго и старательно оттачиваемые, не вытащат меня из этого капкана. Я по-настоящему попалась.

♣ Его призрачную форму отбрасывает назад, за ржавую железную ограду кладбища в разросшиеся желтые кусты, и он тускнеет, блекнет и почти теряется среди острых колючек, мелких листочков и крупных гроздьев сочных беловатых ягод. Я только что отняла у него еще частичку призрачной жизни, приблизила тот момент, когда он окончательно растворится в холодном воздухе.

Рука отзывается болью. Отдача настигает меня, впивается острыми иголочками. Причинив Тенью боль, я причиняю ее себе – так работает наша новая связь. И мне приходится стискивать зубы, чтобы не вскрикнуть, не выдать своей слабости. Не стоит ему знать, что боль у нас теперь одна – общая.

Тень возвращается быстро. Ему легко – призрачные ноги не завязают в раскисшей от дождей земле, призрачная одежда не цепляется за колючки. Даже вставать толком не надо – призраки не падают, не опрокидываются навзничь. Высокая ограда с цепью мощных заговоренных фонарей ему не помеха, свет не режет призрачные глаза, не обжигает все то демоническое, что скопилось внутри. Хотя у него демонического-то и не было никогда, он же чистый. Это я грязная, мне свет причиняет боль.

Теперь на его лице нет ни тени улыбки, одна только решимость. Мы напомнили друг другу, что мы старые враги. Пора переходить к делу.

И я перехожу первая.

– Так чего ты хочешь? – спрашиваю. – Ты думал, что я тебя убила. Ну так у меня для тебя новость – черт, как известно, тоже думал, да под фонарь попал. Что теперь, о гениальный сыщик?

– Интересно, если я пожелаю, чтобы ты убила себя, ты это сделаешь? – бормочет он. Призрачный голос шелестит, как ветер опавшей листвой, холодком пробегает по коже. Еще не желание, но уже что-то близкое, пограничное. Опасное.

– Нет.

– Нет? Ой ли! Пусть твоя грязная магия и не моя стихия, но пару тезисов я знаю, Принцесса. Последнее Желание может быть любым.

– Прекрати называть меня Принцессой!

– Тебя это задевает, да? – снова смеется он. – Что же случилось с тобой в прошлом, Луна, что ты так ненавидишь это слово? Что вообще случилось с тобой такого, что ты отрелась от всего

▲человеческого, чистого, ради темной магии? Может, тот, кого ты когда-то называла принцем, выбрал себе другую принцессу, а ты не смогла с этим смириться? – Тень насмешливо цокает языком. Это просто для него – перейти на личности. Снова начать раскапывать прошлое, ворошить полузабытое и ненужное. Искать ответы. Он всегда был ищейкой, и даже смерть не смогла это изменить. – Не хочешь быть принцессой, Принцесса, тогда перестань лгать.

Я встряхиваю головой. Серебряные бусинки на концах тонких темных косичек сталкиваются с тихим звоном, эхом отдающимся в наступившей тишине. Дьявольский перезвон, называют это ведьмы. Способ подавить ненужные воспоминания.

“Тень больше не дышит”, – в ту же секунду осознаю я. Пусть его призрачное лицо почти прижато к моему, а призрачная рука пытается сомкнуться на горле, я все равно ничего не чувствую. Его горячее дыхание должно было бы обжигать мою холодную кожу. Его пальцы должны были бы оставить черные синяки на шее. Но он нематериален – его больше нет. И я не понимаю саму себя, не понимаю тех чувств, которые вызывает во мне эта мысль. Я должна радоваться: мой противник мертв, еще одним охотником на ведьм стало меньше, и не надо больше приближаться к городу с такими предосторожностями, потому что только у пограничника по прозвищу Тень была личная вендетта к ведьме Луне. Но то, что я чувствую, непохоже на радость.

– Ты можешь пожелать, чтобы я убила себя, – несмотря ни на что, мой голос звучит ровно. Я, в конце концов, плохая самовлюбленная ведьма, а такие не расклеиваются от всякой ерунды. – Но я буду сопротивляться. Все сведется к битве Желаний: твоего – о смерти, и моего – о жизни. Исход непредсказуем. Так что это невыгодное Желание.

Призрачная рука разжимается.

– В любом случае, я не этого хочу, При..., – тут он осекается. Я ответила честно, и он не называет меня “Принцессой”. Это уже что-то. Начало. Мы впервые идем на компромисс. – Мне нужно, чтобы ты нашла того, кто меня убил.

Руку, куда впилось его Последнее Желание, охватывает огнем. Я не смотрю, боюсь – черное призрачное пламя напомнит мне, что я теперь уязвима, слаба. Тень принял решение – окончательное и ▲бесповоротное – мне остается только подчиниться. Я не могу отказаться.

Приказ выдан, приказ получен.

– А почему, интересно, ты не приказал своим друзьям рыть носами землю? Ищейки из них получше меня будут, – уже для порядка спрашиваю я, чтобы хотя бы видимость создать, что я сопротивляюсь. На самом деле, обратного пути нет, я обязана найти его убийцу. Без вариантов. И чем быстрее, тем лучше, пока Последнее Желание не вытянуло из меня все силы.

Нечеткая, не до конца оформившаяся мысль проскальзывает в его призрачном мозгу.

– Вот ведь черт баночный! – невольно выдыхаю я. – Ты думаешь, что один из вас тоже потрудился на благо человечества!

Тень медленно кивает. Эта мысль – слишком сильная, чтобы умереть, когда умерло его тело – разъедает призрачные останки изнутри. Кто-то из тщательно отобранных и обученных служить и защищать цепных псов оказался не таким уж добропорядочным и нацеленным на общее благо. Поэтому Тень рискнул своей бессмертной

душой, как они говорят, и решился на такой грязный ведьмовской трюк с Последним Желанием.

– Кто? Кого ты подозреваешь?

Он не помнит. Я легонько касаюсь его сознания и понимаю, что это правда.

Смерть – странная штука. Забирает самое важное, полезное и оставляет только шелуху, ненужные, глупые воспоминания. Он помнит, что мы были врагами. Он – пограничник, защитник города и чистого человечества от демонов и демонической грязи. И я – равнинная ведьма, призывающая. Демоны откликаются на мой зов, делятся частичкой темной силы. Мы не могли бы быть никем, кроме врагов. Но он помнит, как гнал меня как-то по залитой солнечным светом зеленой равнине до самого озера, как настиг на берегу. Мои темные волосы растрепались, выбились из замысловатой прически. Дыхание сбилось. Ноги вязли в снежно-белом песке. Мы сцепились как всегда – коротко и бурно; его амулеты, обереги и заговоренное оружие против моей магии. Он помнит, как уничтожал моих демонов, одного за другим, и как менялась я, теряя все больше и больше созданных темной магией вещей. И как сошлись врукопашную, тоже помнит. Как изменилось под силой внутреннего демона мое тело, исказилось. Как я перестала быть ведьмой, которую он всегда знал... Может, где-то там далеко внутри сохранилось и воспоминание о том, как я собрала оставшуюся энергию и создала для него светящегося демона-проводника, чтобы Тень мог вернуться в город, когда солнце спряталось за горизонтом и наступили сумерки. А он оставил мне куртку – его подбитую мехом кожаную заговоренную куртку – чтобы я смогла пережить ту холодную ночь на равнине, обессиленная и опустошенная.

Странные из нас получались враги. Уж очень мы наслаждались этой игрой.

Тогда мы могли бы убить друг друга как минимум несколько раз. Уверена, я тогда думала, что это достойный обмен – демон-проводник на заговоренную куртку, чтобы ночные твари не разорвали в клочья и его, и меня. Но на самом деле никто из нас просто не хотел ставить точки. Я точно не хотела. Он, думаю, тоже не хотел.

Тень помнит меня, Луну, непохожую на луну. Луна светлая, ясная. Сияет в ночном небе, как оборотная сторона солнца, и темных пятнышек на ней лишь несколько. А я темная вся – у меня темные волосы, потемневшая на солнце кожа. Обереги и амулеты из черных шкур демонических тварей, обожженных костей. Вплетенные в косы серебряные бусинки припорошены пылью, чтобы не отражать свет. Я не сияю в темноте, я сливаюсь с ней. Не боюсь мрака, не боюсь ночи, не боюсь выходящих на охоту тварей. Черная магия защищает меня, окутывает темным облаком. Демоническая энергия проникла в самое нутро, въелась в кровь, кожу и кости.

Тень помнит меня четче, ярче, чем кого бы то ни было из его прошлой жизни. Это его жертва, его уступка. Он отдал свои воспоминания, чтобы поймать меня, привязать к себе. И теперь меня в его памяти много, а самое главное ускользнуло – кто убил его, почему так важно найти убийцу, кого он подозревает из своих бывших соратников... Все, что могло бы мне помочь, вытекло из пустой призрачной головы. Только озеро, которое он всего раз в жизни видел, и крутится в его памяти. Безмятежно синий островок спокойствия посреди сочной зеленой равнины.

Я сжимаю зубы. Теперь путь туда мне заказан.

▲ – Документы, – с трудом вспоминает Тень. Подталкивает мне это воспоминание, предлагает. – Документы по последнему расследованию. Там должно быть...

– Где они?

Он и этого не знает.

Призраки быстро теряют разум. Нажмешь, надавишь чуть сильнее, и энергия иссякнет, сознание померкнет. Его снова потянет на ту сторону – куда живым не попасть. За время нашего разговора Тень еще больше поблек, еще больше выцвел. Стал прозрачнее, чище. Даже оперся призрачной рукой на свое надгробие, будто из пустой могилы можно вытянуть хоть каплю энергии. Но тщетно. Его время вышло.

Если бы у меня было под рукой его тело, я могла изменить привязку, открепить его от могилы. Может, из нас получилась бы неплохая команда – ведьма и пограничник, объединенные общей целью. Но тела нет, и Теню придется остаться на кладбище. Накапливать энергию и пытаться восстановить хоть часть последних воспоминаний до нашей следующей встречи.

Кто-то позаботился об этом – кто-то, в чей воспаленный мозг могла закрасться безумная идея, что хороший пограничник Тень может попытаться привязать к себе плохую ведьму Луну. Тот, кто знал о нас. Возможно тот же, кто и убил Теня, кого и должна отыскать я.

Но в любом случае, он на ход нас опережает.

***

▲ ГЛАВА 2. ВОСХОД ЧЕРНОЙ ЛУНЫ

***

Равнинных ведьм редко заносит в города. В этих последних оплотах цивилизации нам интересно только одно – люди. Вернее, деньги, которые эти самые люди готовы заплатить за простенькое заклинание.

Да, ведьм называют аморальными и бездушными, но ведь у каждого своя голова на плечах – сам может решить, что ему хорошо, а что плохо. И если одна моя клиентка не родилась красивой, я тут ни при чем. Совершенно. И замороженный красавчик тоже на ее счету – вместе со всеми вытекающими последствиями, между прочим, которые вызывают демоны, даже самые мелкие, побывав у человека в голове. Не моя вина, что ей так захотелось. О побочных эффектах я всегда предупреждаю. Но что ж поделаешь, если желание быть любимой перевесило все доводы рассудка? А отказалась бы я, согласилась бы другая. Ведьм же все-таки много.

С пограничниками наши мнения разошлись бы. Конкретно с пограничником Тенем они расходились всегда – он сказал бы, что раз уж мы боремся с демонами во всех демонических проявлениях, то и призывать их для своей выгоды не дело. Да и верить в то, что демонов можно полностью контролировать, он отказывался. Отчасти, конечно, это верно – хотя при нем я бы и под пытками так не сказала.

Нет, я тоже не люблю демонов. Как любой выживший на планете человек – а ведьмы тоже люди, только одаренные – я демонов ненавижу. За уничтоженный мир, который мне довелось увидеть лишь на картинках. За зараженные территории, где один глубокий вдох равносителен смерти, потому что большие, красные и необыкновенно красивые, но от этого не менее смертоносные дьявольские цветы убивают одним своим ароматом. За темноту, в которой тебя разрывают на куски в считанные секунды, и за всех сведенных с ума, выпитых до

дна, извращенных до неузнаваемости когда-то людей, которых принято называть “пустышками”. Когда демоническая реальность столкнулась с нашей, демоны захватили и уничтожили все, что можно было захватить и уничтожить, сделав нас пленниками беспрестанно сокращающихся осколков цивилизации. Они нагадили в нашем мире – так почему же и нам нельзя в отместку пользоваться их силами себе во благо?

Как говорят – у меня дурная кровь и дурная наследственность. Кто его знает, откуда изначально пошли ведьмы, но если слова о кровном наследии правда, то у меня с этим все в порядке. Говорят, среди предков моей матери была та самая ведьма, которая выпустила чертей из банки. Конечно, не ее вина, что черти на наших вольных хлебах отъелись, разжирили, да еще и расплодились так, что в банку обратно не влезали. И не ее вина, что обстоятельства заставили эту банку открыть. Она, может, и не хотела – но ведь в отчаянных ситуациях решаешься на отчаянные вещи, да?

Помните историю про Еву и Змея? В школах любят ее рассказывать – уж больно она поучительная. Тут и соблазн, и слабость. И даже демон, принявший облик змея. “Глупая Ева”, – осуждают учителя. – “Невольно стала прародительницей ведьм”. Но мы ведь не свидетели, нам неизвестно – может, обстоятельства были исключительные.

Так же и с Первой ведьмой. Почему бы не обвинить тех, кто развязал Последнюю войну, разрушил нашу планету до неузнаваемости, отравил воду и воздух, стер с лица земли большую часть тогда еще чистого человечества? И это были вовсе не ведьмы, и даже не демоны. Может, если б банка не была открыта, мы бы вымерли подчистую еще тогда – чистыми от демонического вмешательства, но грязными от творений наших же собственных рук. А так человечеству хотя бы дали отсрочку.

Да, я верю, что наша история еще не закончена. Заметьте, в этом я вполне себе патриотична. Где-нибудь когда-нибудь найдется герой, способный спрессовать всех чертей обратно в банку, и тогда чистое человечество снова восстанет из пепла и отстроит города вроде тех, что сохранились лишь на картинках. А лично я намерена дожить до этого момента, продираясь сквозь дни настоящего с максимальным комфортом, который может принести только совершенно не героическая жизнь равнинной ведьмы. Жертвовать собой? С этим, пожалуйста, к городским магам.

Пограничники проповедуют, что жить надо в чистоте – не касаться грязной магии. За высокими городскими стенами так, может, и можно – стена удержит не переносящих света тварей, а сами пограничники защитят от остальных. Отгонят прочь огнем и заговоренным оружием, отпугнут амулетами и талисманами. Да-да, теми самыми треклятыми магическими вещичками, которые они, якобы, ненавидят. А все потому, что демонов и их демонических тварей ничем другим не проймешь. Так или иначе, но магия нужна. Вот городских магов и терпят.

Ярмарка, квартал легальных заклинателей, раскинулась на отшибе. Энергии здесь нет – город экономит драгоценные ресурсы; свет – только от чадящих факелов. Защиты, в общем-то, никакой – пограничники решили, что зараза к заразе не липнет, и на ярмарку силы не тратят. Но магам подачки не нужны, они не первый день на свете живут. Сами справляются. Заговоренная ткань разноцветных

шатров от тварей спасает лучше любого городского дома – так просто ни зубами не прогрызть, ни когтями не прорвать, да и на голову обвалиться не грозит, не в пример некоторым древним строениям. А уж амулетов и оберегов у городского мага больше, чем у самого воинственного пограничника – они этим, как-никак, на жизнь зарабатывают. К тому же свое – оно как-то ближе к телу и защищает надежнее.

На месте гильдии городских магов я бы давно снялась с места, помахала городу ручкой и перебралась на дикие равнины. Да, неизведанное пугает, но батрачить бесплатно на пограничников, безмолвно снося оскорбления, насмешки и полные презрения взгляды городских – увольте! Хотя нельзя не признать, что не было бы ярмарок, не стало б и черного рынка, а без него не видать мне ни клиентов, ни денег. Так что я даже рада, что маги терпят.

Ведьмы в магических кварталах гости желанные. С братьями нашими меньшими у нас симбиотическая связь – взаимовыгодный союз то есть. Почему-то простой городской обыватель скорее носки свои сжует, чем обратится к равнинной ведьме напрямую – проповедники не зря хлеб едят и ужастики хорошо рассказывают. Но вот через ярмарочного мага – пожалуйста. И за определенный процент те подыскивают нам желающих сделать приворот, отворот и все вплоть до заворота кишок конкурентам. А мы, в свою очередь, сбываем на ярмарках всякие разные куски убитых тварей – кожу, кости, зубы, внутренности... все, что может пригодиться для изготовления амулетов. По весьма божеским ценам, если учесть, сколько среднестатистический маг сдирает с городского жителя за простенький талисманчик.

– Ищете человека честного и надежного, Принцесса, не проходите мимо, – голос мага еле слышен на фоне неумолкающего ярмарочного шума. Очень высокий и очень тощий, заклинатель устроился в старом облезлом кресле, вытянув длинные ноги поперек узкого прохода между шатрами. Разноцветные лохмотья болтаются на нем, как одежда на огородном пугале, а вылинявшая и потерявшая форму широкополая шляпа закрывает большую часть лица. Я не остановилась бы, если б не боялась споткнуться, не обратив внимания ни на старое школьное прозвище, которое знали лишь немногие, ни на знакомый выговор.

Тонкие губы растягиваются в улыбке.

– Ты все не меняешься, Лу.

С одной стороны, изменить внешность для призывающей легче легкого. Надо только демона подходящего найти – покрупнее и посильнее. Он тебя сделает и миниатюрной блондинкой, и пышногрудой брюнеткой, и вообще хоть мужчиной. Самим-то демонам все равно, в какую обертку тебя оборачивать. Но вот будет ли цель оправдывать средства? Прикиньте сами – мелким демонам манипуляции с физической материей не под силу. А крупные, цельные, неделимые – это как раз те, после которых от человека остается пустышка. Высшие демоны поголовно существа опасные, какими бы услужливыми, покорными и безобидными поначалу ни казались. Только и ждут, когда ты расслабишься, чтобы подчинить себе, вытянуть разум, забрать силу. Эти демоны – мастера жестоких игр. А сломить ведьму для них редкостное удовольствие.

В нашем мире “не меняешься” значит “остаешься узнаваемой”. Владеешь лишь тем, что дала тебе мать-природа, и вмешиваешься,

только чтобы залечить раны или придать себе естественный лоск. Да, я без проблем могу сделать кожу чистой, ровной и гладкой на зависть всем городским красоткам, а отвратительный рубец от удара ножом сойдет, не оставив и следа. Но рост, черты лица, строение костей – все это и многое другое лежит за пределами моих возможностей. Здесь нужны сильные демоны.

♣ Бытует мнение, что равнинные ведьмы меняются утром, днем и вечером. Дескать, сменить внешность для них то же, что для городской модницы одежду. Еще говорят, что мы пьем кровь младенцев и приносим в жертву девственниц, чтобы сохранять дьявольские таланты. А городских магов в то же время считают безобидными торговцами, шутами и шарлатанами. Стоит ли говорить, что все это досужие рассказы? Опытные ведьмы меняют внешность крайне редко, в особых случаях, а городские маги – любые, кстати говоря – очень даже опасны.

– Ты тоже, – отмечаю я. Другой бы хоть мяса на костях нарастил, раз уж изменить великанский рост не под силу. Хотя бы суповой набор получился, а то кости одни – только холодец варить. Костяная погремушка ходячая.

– Так не я широко известен в узких кругах под именем Черная Луна, Принцесса, – парирует он. – Мы, маленькие паразиты, такой славы недостойны. Живем, так сказать, в тени, – он лукавит. Быть может, не проводи я немало часов среди ярмарочных магов, фальшь и укрылась бы от меня. Но городские маги – известные лжецы, а привычка принижать себя, чтобы возвысить собеседника, у них в крови. Так, говорят, торговля лучше идет. Всем же хочется, чтобы их считали всемирно известными и всемогущими.

Только вот когда-то давно мы были друзьями. А когда старый друг готов изворачиваться, лебезить и лгать тебе в глаза – это всегда неприятно.

– Не Принцесса, – поправляю я. – Просто Луна.

– И даже без титула? Без присказки? – смехок неловкий, наигранный. – Хорошо. Ну а я как обычно – все еще старый добрый Тухля.

Он совсем не старый и, конечно же, не добрый. Запредельная худоба, цветные лохмотья и выговор простоватого дурачка не могут обмануть того, кто вырос с ним на одной улице. Передо мной не безобидный ярмарочный шут, отнюдь. Тухля всегда умел обращать свои недостатки в достоинства. Тощий, с выпирающими ребрами и острыми коленками, он легко умудрялся разжалобить поварих на раздаче и получить дополнительную порцию. Пойманные за какой-нибудь шалостью, мы с Шутом всегда получали по полной программе, тогда как Тухля прикидывался простачком и мямлил что-то в духе “все ♣побежали, и я побежал”. А на крайний случай у него в кармане была припасена слезливая история о том, как маму убили твари.

Никчемное недоразумение с виду, внутри мой дорогой друг всегда представлял собой нечто очень темное и очень хитрое.

– Поговаривали, что Черная Луна избегает родных трущоб, – как ни в чем не бывало, продолжает он. – Конечно, ловить у нас особо нечего, но пару-тройку стоящих клиентов я тебе подберу. В память о былых временах, так сказать.

Былые времена тут совершенно ни при чем. Одно только упоминание о том, что он работал с Черной Луной, сделает ему неплохую рекламу в узких кругах людей знающих. И да, я охотно

помогла бы, если не в честь давно забытой дружбы, то хотя бы в счет неоплаченных пока долгов, но последнее, что мне сейчас надо, так это дошедшие до пограничников слухи о блуждающей неподалеку Черной Луне. Потом, на обратном пути, когда убийца Теня получит заслуженное, а Последнее Желание перестанет жечь кожу, все может быть. Да.

Смотрю на протянутую мне узкую руку в черной перчатке без пальцев, и медленно качаю головой.

– Я не клиентов ищу. Не сейчас.

Дежурная улыбка на губах тускнеет. Рука снова опускается на костлявое колено.

– А что тогда, Принцесса? Не навестить же старого друга зашла?

Я пропускаю обращение мимо ушей. Что толку скрипеть зубами?

Даже начинающая ведьма знает – нельзя раздражаться по мелочам. Равно как и радоваться. Когда имеешь дело с демонами, любые эмоции одинаково опасны.

– Мне нужен знак гильдии.

Улыбка исчезает совсем. Наклонившись вперед, ко мне, якобы для того, чтобы снять мерку для заговоренного пояса, Тухля обегает окрестности цепким взглядом. Это лишь для меня, чужой, ярмарка кажется настолько спокойной, насколько данное слово может быть применимо к ярмаркам. Обычная суeta, шум, запахи. Маги громкими голосами зазывают случайно забредших в неурочное время покупателей, нахваливают товар. Переругиваются друг с другом, обмениваются сплетнями. Ветер колышет разноцветные полотняные вывески, позвякивает свисающими на длинных нитках амулетами.

▲Пахнет дымом, готовящейся на кострах пищей и обжигаемыми до черноты костями. Да и помойная яма, до которой отсюда рукой подать, распространяет характерные гниlostные ароматы.

Неудивительно, что Тухля выбрал эту точку. На самом краю ярмарки, у невысокого заборчика, отделяющего ее от городской свалки. Вот не надо было так часто твердить, что он испорченный, с гнильцой, тогда и гниль нельзя было бы назвать его тотемом. А теперь только представьте, на что способен маг, чьи силы подпитывает выгребная яма. Особенно в городе, где мусора немеряно.

Пограничники правы, когда говорят, что монстры рукотворны. Но творят их не ведьмы при помощи грязной магии, а само хваленое чистое человечество. Учителя, призванные порицать любое проявление магического таланта. Строгие родители, всегда готовые выбить дурь вместе с самой жизнью, и участливые родственники, притворно-сочувственно вздыхающие: “Ой, ну в кого же он такой, порченный, уродился?” А сверстники, без устали травящие тех, кто хоть чем-то отличен от других? И после этого кто-то еще удивляется, что подавляющее большинство магов озлоблено на весь мир, а слова “доброта”, “бескорыстие”, “участие” и “понимание” для них просто бессмысленные наборы букв.

Из Тухли запросто вышел бы злой колдун наподобие Черного Пепла или Безмолвного Ужаса. Нам было семь или восемь, когда мы впервые оказались в одной команде в “демонах и пограничниках”, и в нем уже тогда скопилось столько злобы, что хватило бы и одного легкого толчка, чтобы она выплеснулась наружу. Не будь нас: сначала первой беспроегршной команды “демонов”, а потом просто неразлучной троицы друзей – Тухли, Луны и Шута – он давно ушел бы на равнины. Не знаю насчет таланта, но ненависти ему уж точно бы

хватило, чтобы выжечь напоследок пару кварталов негостеприимного города, разом перечеркнув эти страницы жизни. Может быть, мы бы точно так же встретились несколько лет спустя – только призывающим была бы не я. А, может, старый добрый Тухля действительно стал бы Безмолвным Ужасом – одним из тех колдунов, у которых и не разберешь, где кончается демон и начинается человек, настолько все одинаково черное и злое.

Неудивительно, что раз уж в конечном итоге его сослали на ярмарку, то дела он тут проворачивает далеко не легальные. Хорошо, **▲**закроем глаза на то, что Тухля, которого я знаю, охотнее удавится, чем сделает что-то хорошее для тех, кто все детские годы издевался над ним – за исключением разве что избавления от бессмысленного и бесполезного прожигания жизни, если включить это в стройные ряды хорошего. Но даже взглянув на его обитель со стороны, увидишь: для торговой палатки его шатер слишком невзрачен, место не лучшее, а уж про одежду хозяина что и говорить – в таких лохмотьях на преуспевающего торговца он не похож. Да и первое предложение подыскать мне клиентов говорит само за себя – мой добрый друг давным-давно переметнулся на другую сторону закона. Значит, мне можно расслабиться и позволить ему самому отслеживать окружение: когда кону не простое взыскание, а кое-что посерьезнее – смертная казнь – Тухля не пропустит ни тяжелого ботинка пограничника, выглядывающего из-под пестрого занавеса, ни любопытных глаз своего же коллеги и конкурента.

– Ты не городской маг, – отстраняясь, произносит Тухля. Не знаю, какую мерку можно снять, прикладывая измерительную ленту к животу наискось, но явно не ту, что надо, потому что его вывод до чертиков абсурден.

– А я и не знала, – огрызаюсь в ответ. – Спасибо, мистер очевидность, без тебя никак не догадалась бы. Что, животом не вышла?

– Кто бы мог подумать? – заклинатель раздраженно мотает головой. В тон мне он отвечает скорее машинально, по привычке, потому что вопреки ожиданиям, сарказм не разряжает обстановку, а напротив – обостряет до предела. – Да, не вышла. И не только животом. Здесь живут сорок три мага, а их палатки нашпигованы амулетами и талисманами, но я чувствую твою ауру так же ясно, как если бы мы были вдвоем в мертвой степи. Ты хоть представляешь, насколько зашкаливает твое силовое поле по сравнению с полями среднестатистических ярмарцев? Я бы предположил, что передо мной молоденькая забывчивая ведьма, не умеющая гасить ауру и отсекаать лишние связи, но я знаю тебя, Лу, ты не упускаешь таких мелочей. Конечно, тогда я решил бы, что ты одержима, но на тебе столько защиты, что демон должен быть законченным мазохистом. К тому же, твои глаза по-прежнему зеленые, как и в старые добрые времена, которые тебе явно не хочется вспоминать, так что и сей вариант **▲**отпадает. Остается последнее – даже максимально пригасив силовое поле, ты все равно светишься на фоне всех нас. Со стороны, верно, кажется, что над нашей ярмаркой взошла луна. Как думаешь, сколько потребуется отряду пограничников, чтобы засечь энергетический всплеск и заявиться сюда с оружием наперевес? И что от ярмарки останется? – его голос звучит тихо и зло, разочаровано и устало. Рассчитывал поднять рейтинг при помощи талантливой подружки детства, а получил одни проблемы на голову. Обидно, действительно.

Пограничники не оставляют равнинным ведьмам ни единого шанса затеряться в толпе. Можно было и не спрашивать, что будет с ярмаркой после их визита. Пеньки обгорелые, вот что. Ну и трупов парочка, если кто не сгорит в огне.

– Я не собираюсь задерживаться, Тух. Ярмарочная жизнь меня совершенно не привлекает – скучно, да и соседи не лучшие. Мне надо в город.

Тухля вглядывается в мое лицо долго и напряженно. Потом в профессионально бесстрастных серых глазах проскальзывает что-то знакомое, и он коротко усмехается.

– Смотрю, ты все такая же шутница. Почти поверил – как в первый раз.

Ждет, что я рассмеюсь. Поддержу его расползающуюся по швам надежду.

– Я не шучу, – негромко возражаю я. – Мне действительно надо в город.

– Тогда тебе черти в голову ударили, Лу. Надо! – передразнивает он. – Восемь лет было не надо, а тут вдруг понадобилось. И зачем, позволь спросить? Когда мать в лечебницу забирали, ты и не подумала объявиться. А она все повторяла: “Мою дочь забрали демоны, мою дочь забрали демоны, мою дочь забрали демоны”. Сутки напролет. Как заклинило. Раскачивалась из стороны в сторону и повторяла одно и то же. Пока не охрипла. Думаешь, маленькая Бриз могла с ней справиться? Да-да, не отворачивайся. Маленькая Бриз. Помнишь, сколько ей тогда было? Так давай напомним – двенадцать. Много она могла сделать, когда у них не было ни света, ни еды, ни денег? А знаешь, что она говорила? “Луна обязательно вернется, и у нас все наладится”. Все надеялась...

♣ – И зачем ты мне это рассказываешь? – обрываю его я. – Думаешь, я не знаю, что тебе их печальная судьба как черту фонарь? Тебя только и волнует, как бы содрать с меня побольше в расчет за старую услугу. Так давай-ка ближе к делу.

Городской маг качает головой.

– Это тебе нет дела ни до кого, кроме самой себя. Да и не было.

Он и сам-то не лучше. Можно подумать, его когда-либо волновала чья-то судьба. Кроме себя любимого, разумеется. Он городской маг, в конце концов, живет на ярмарке и продает наивным простачкам смертельно опасные услуги равнинных ведьм. Знает же, чем обернется безобидный приворот. А идеальные спутники жизни – это и вовсе ходячая бомба с часовым механизмом. А он, видите ли, меня обвиняет в бессердечности!

Нет, конечно, я далеко не положительный персонаж. Не принцесса, непорочная душой и телом, заточенная в башню жестоким драконом-демоном. Но и Тухля не странствующий рыцарь, готовый не задумываясь отдать жизнь во имя спасения мира. Мы с ним похожи. Одинаково отрицательны.

Это в детстве я была упрямой девчонкой в художественно продранных чулках и неприлично укороченной юбке. Это в детстве он был вечно избитым тощим пареньком из соседнего дома. Но Принцесса обернулась ведьмой, а мальчик для битья – змеей подколодной.

Я встряхиваю головой, и дьявольский перезвон уносит с собой все лишние мысли. Я готова достать главный козырь из рукава.

– Не приплетай кого ни попадя, Тух. Моя мать и мелкая – не

твои проблемы.

– Почему же? – обманчиво мягко переспрашивает он. – Ты мертвая, Лу, не забывай об этом. Пограничники до сих пор верят, что ты погибла в том пожаре. Тебя и похоронили, и оплакали. Где-то даже твоя могила есть, глянь, как в следующий раз на кладбище будешь. Пока немногие в курсе, что ты и злобная ведьма Черная Луна – это одно и то же. Но сестрица твоя мигом сложит два и два – она сообразительная и нежных чувств к тебе давно не питает. Тогда все это станет моей проблемой – потому что именно у меня ты хочешь раздобыть знак нашей гильдии.

– А я могу достать его где-нибудь еще?

▲ – Нет, – признает он после минутной заминки.

– Вот именно. Тогда у меня нет выбора. И у тебя тоже нет, если ты не хочешь, чтобы я начала распускать слухи о “том пожаре”. Как думаешь, хватит погранищикам слухов, чтобы забрать тебя в места не столь отдаленные?

Тонкие губы мага кривятся в мрачноватой усмешке.

– Да, – медленно произносит он. – Я тоже рад тебя видеть, подружка.

***

▲ ГЛАВА 3. ЛУНА В ЛОВУШКЕ

***

Когда я отпускаю демонов на волю, солнце уже почти ныряет за линию горизонта. Холодный туман мутной пеленой наползает с востока, с болот, уменьшая видимость до предела. Пустое кладбище теперь выглядит скорее зловещим, чем хмурым или унылым. Кажется, вот-вот кто-то выползет вон из-за того серого надгробия, ухмыльнется во всю зубастую пасть и погонит ослабевшую без демонов меня к городским стенам.

Знаю, в вечерних сумерках в город пробираются лишь безумцы да полные дилетанты. Ну и всякие твари, конечно, для которых городские обитатели – лакомая закуска, но тварей я в расчет не принимаю – они по своей сути не очень-то разумны. Только в пустых головах никак не может уложиться мысль, что для любого пограничника сам факт, что ты шастаешь по городу в темноте, подозрителен по самое не могу. Тут же всплывет вопрос – а зачем, собственно говоря, ты это делаешь? И попробуй на него ответить так, чтобы было правдоподобно и вполне невинно, и не выдай в процессе того, кто ты на самом деле есть.

Был бы у меня выбор, я бы вообще не стала соваться в город. А если б и стала, то само собой, не ближе к ночи. Но так уж получилось, что такой роскоши как выбор у меня не наблюдалось с того момента, как один не в меру прыткий труп распустил свои Последние Желания.

Не будь Тень уже совершенно и окончательно мертв, я бы его собственноручно убила. И черт с тем, что убиваю я редко и неохотно, даже вполне заслуживающих смерти – особенно с точки зрения ведьм – пограничников. Пятном на совести больше, пятном меньше – все равно нам всем гореть в аду, как любят повторять проповедники. А вот репутацию при жизни надо беречь, иначе без работы останешься. Конечно, я никогда не забываю упомянуть, что форс-мажорные обстоятельства могут повлечь за собой досрочный разрыв контракта. Любовник, там, прослужит чуть меньше. Или приворот спадет раньше времени. Но клиенты почему-то любят пропускать такие детали мимо ушей. Не дано им понять, что ведьмы тоже люди, не черти, и иногда

▲светить свое непомерно раздутое силовое поле совершенно не выгодно. Не считают они треклятое Последнее Желание форс-мажором. Вот и соберутся потом как-нибудь две дамочки за рюмочкой травяной настойки, и начнется: “Ах, я тут не так давно делала приворот у Черной Луны, а мой прекрасный молодой дружок вдруг ни с того ни с сего взбеленился, обозвал меня старой жирной коровой и ушел, хлопнув дверью, в ночь холодную!” И нет бы подружка указала, что если уж здраво посмотреть, то дамочка и есть старая жирная корова, у которой ненароком лишние деньги завалялись. Так нет, женская солидарность – штука страшная, и Черную Луну тут же окрестят поганой шарлатанкой, а молодого дружка – козлом вонючим. Будут две подружки рыдать друг у друга на плече и сокрушаться о своей тяжелой доле. Не видит, понимаете ли, никто их тонкой нежной души за оплывшей жиром наружностью. Хотя насчет наличия у них души как таковой я бы, честно говоря, поспорила.

Не делают душевные люди приворотов.

Я занялась любовной магией вовсе не от большого желания дарить счастье всем сырым и убогим. Просто на деле это самый легкий и в то же время неизменно пользующийся стабильным спросом вид ведьмовской деятельности. Примерно наравне идут заказные убийства, промывка мозгов и прочие нехорошие пакости конкурентам, но в той области пришлось бы работать с сильными и опасными демонами, а это, как известно, чревато. Да и зачем лезть на игровое поле самых черных колдунов и напрашиваться на неприятности, когда есть такая прекрасная вещь как любовь? Ее вообще частенько переоценивают. Превозносят до небес, как что-то жизненно необходимое, прекрасное и светлое. Жалостливо, а то и откровенно злорадно поглядывают на обделенных сим даром. Перешептываются за спиной, глаза закатывают. Одиночество почему-то считают чуть ли не унижительным, и желание непременно быть любимым у некоторых индивидуумов доходит до навязчивой мании. Хотя сами любить они при этом даже не пытались.

Пусть настоящая любовь как таковая не вызывает у меня должного благоговения, но зато свободу выбора я считаю чуть ли не лучшим, что может быть на свете. И неудивительно, что посягающие на эту свободу никаких светлых чувств у меня не вызывают. Только темные. Потому как, если подумать, приворот или отворот – это ▲самое что ни на есть поганое посягательство на личную свободу. За такое следует платить.

И как же я сплю по ночам, занимаясь тем, что сама считаю мерзким? Да замечательно. Отчасти потому, что я давно уже не делала классического приворота – такого, где все последствия ложатся на привораживаемого. Если уж и калечить кого-то, засовывая демона в сознание живого человека, то заказчика. Хочешь любви – получай. Только не забывай, что когда контракт закончится, я разорву связь с превеликим удовольствием, и твой маленький подлый мозг превратится в большую невнятную кашу. И больше ты уже никому такой гадости не сделаешь. А если обстоятельства потребуют от меня перераспределения энергии, то я и окончания контракта дожидаться не стану.

Как сейчас.

Отпустив демонов, я испортила парочку и без того подпорченных личностей, развеяла по ветру несколько идеальных спутников жизни, ну и устроила небольшую гадость покойному пограничнику, поскольку

занялась этим делом не так далеко от его могилы. Ну как тут было удержаться? Конечно, Тень так и не выполз, отлеживался, верно, где-то, но магические следы он заметит – призраки такое чувствуют.

Все не так страшно – в смысле, личности подобное заслужили, без идеальных спутников кое-кто перебьется, а, сделав гадость, как известно, чувствуешь радость. Только одно плохо – распуская демонов, ведьмы слабеют. До непривычно-неприличного уровня. Еще пару часов назад, на ярмарке, я запросто могла вызвать в наш мир большую бяку, которая сравняла бы магический квартал с землей не хуже отряда пограничников. Сейчас же я... ну, скажем, дышу и на ногах держусь, что уже хорошо. Зато моя аура больше не сияет лунным светом в непроглядной ночи заштатных городских магов, потому что сиять там больше нечему – одно послеследие осталось да минимум жизненно необходимой энергии.

Порядком озлобленный на меня Тухля помимо безвкусной и жгущей кожу метки ярмарочных магов, с кривой гримасой нацепленной мне на предплечье, достал еще и список примерных адресов заслуживающих самого пристального внимания пограничников. “Заслуживать внимания” у него переводилось “близко не приближаться, а, завидев, бежать со всех ног куда подальше”, и список мне был вручен в качестве жеста доброй воли – а также, видимо, из опасения, что я все-таки начну распускать нехорошие слухи. Разубеждать друга и отказываться от подарка я не стала – особенно после того, как усмотрела в списке адресок моего милого покойника. Как и объяснять, что на расстоянии оттуда держаться не получится, ибо необходимо произвести досмотр личных вещей невинно убиенного. Впрочем, вполне возможно, что этот щедрый “подарок” был поводом подольше потянуть время, и Тухля на самом деле надеялся, что в сумерках меня слопает какая-нибудь зубастая тварь. С городскими магами все может быть – устраивать пакости исподтишка вполне в их стиле.

А вот, кстати, и тварь – легка на помине. Солнце вроде бы даже еще не село, оставшаяся в воздухе энергия не до конца развеялась, а большая голодная бяка уже тут как тут. Застыла в тени у ограды и смотрит оранжевыми глазищами. Принюхивается.

Я показываю твари средний палец. Интеллектом эти создания, может, и не блещут, но на свет соваться не станут. Да и обвешанная амулетами ведьма, пусть даже временно ослабевшая, – добыча не очень. Пока последние лучи солнца согревают мою кожу, к демонической твари можно смело поворачиваться спиной, не рискуя...

... оказаться распростертой на земле, лицом вниз, придавленной весом неменьшей когтисто-зубастой туши. Если бы не заговоренная куртка, доставшаяся мне в наследство от Теня, длинные когти пропороли бы меня насквозь, а так только проскальзывают с противным скрежетом по черной кожанке. Извернуться получается в самый последний момент, и зубы вхолостую клацают в воздухе там, где еще мгновение назад была моя шея. Вытягивать из талисманов-накопителей энергию и колдовать времени нет – только и успеваю сдернуть с пальца кольцо и запустить им твари в морду.

С тонким протяжным визгом тварь скатывается с моей спины, всеми четырьмя лапами пытаюсь сбить холодное колдовское пламя. Пальцами очерчиваю вокруг себя защитный круг – даже прежде, чем окончательно сознаю, что спастись бегством не лучшая идея. В правой ноге пульсирует боль, и теплая кровь окрашивает ладонь, когда

я пытаюсь обнаружить рану. Когтям все-таки удалось меня зацепить.

Ситуация складывается не лучшая. Кусочек солнечного диска еще виден над горизонтом, но на востоке уже давно собирается туманная мгла. Защитный круг на рыхлой земле горит тусклым, блеклым огнем, который может иссякнуть в любую минуту. В центре я – слабая, как новорожденная ведьма, раненая. Остатки энергии из браслетов уходят на то, чтобы остановить кровотечение, и остается только пара талисманов да защитные амулеты, которые помогают лишь при непосредственном контакте. Кто бы ни натравил на меня эту тварь, рассчитал он все абсолютно верно.

– Вот же черт баночный, – сквозь зубы выдавливаю я.

Понятно, что Тухля меня не услышит. Сидит, небось, сейчас в своем шатре да зубы скалит. Понадеялся, что меня слопают? Ага-ага, конечно. На одной надежде далеко не уедешь, надо усилия прикладывать. Тварь там какую-нибудь натравить.

Знать бы только, что я ему такого сделала, чтобы он вот так без раздумий решил меня убрать. Надавила слегка? Ну так с кем не бывает – магический мир жестокое место. Не готов – не суйся.

Тварь согласно чихает. Уселась на задние лапы, почти как человек, повернула ко мне обгорелую морду и дожидается, когда солнце сядет, а круг погаснет. Теперь уже добыче деваться некуда, не то, что раньше. Можно и подождать.

По своей воле демонические твари на свету и в одиночку не нападают – не совсем глупые все же. Свет им как серная кислота человеку – не факт, что убьет, но ослабит и шкуру попортит. В темноте или стаей – дело другое, но эта тварь одна, во всяком случае, пока – куда ни глянь, вокруг кладбища пусто и тихо. Значит, науськал кто-то. А кто, кроме Тухли знал, что я в городе? Только Тень, но он мертвяк и я выполняю за него грязную работу...

Кстати, о мертвяках. В любом другом месте в таком состоянии призывать демона-защитника можно было бы и не пытаться, но рядом с кладбищем все иначе. Тут и строительный материал прямо под ногами валяется, и завеса между той и этой сторонами тоньше. А когда альтернативой служит перспектива оказаться у зубастой твари в желудке, даже думать особенно не приходится.

Кончиками пальцев рисую на земле волнистую линию. Намечаю место разрыва. Потом закрываю глаза и начинаю собирать приманку для демона.

Мне почти нечего предложить. Злость. Боль. Отвращение. Усталость. Что-то еще, не до конца оформившееся, непонятное. Похожее на тоску, наверное, но разве бесчувственные ведьмы могут тосковать? Едва ли.

Я выжимаю себя до последней капли. Собираю энергию эмоций, чувств и потаенных желаний в сложенных ладонях, предлагаю. И, лишь коснувшись линии разрыва, сразу же получаю отклик, будто что-то только и ждало, чтобы собраться, слиться в единое целое по моему призыву. Черная, пульсирующая сила той стороны тянется ко мне в ответ, льнет к тонкой завесе. По каплям просачивается в наш мир.

Тварь нападает в ту же секунду, когда последний солнечный луч, на краткое мгновение задержавшийся на моих сомкнутых веках, исчезает в туманной мгле. Круг, должно быть, погас чуть раньше, лишившись энергетической подпитки, и я снова оказываюсь распростертой на земле. Усвоившая урок тварь метит теперь в незащищенные ноги, вспарывая тонкую корочку, затянувшую раны,

вгрызаясь все глубже и глубже. Попытка вызвать демона вытянула из меня всю оставшуюся силу, и я даже не пытаюсь отбиваться. Все магические побрякушки разряжены, а единственный нож надежно припрятан за голенищем сапога, куда никак не дотянуться. А еще я устала – от однообразной любовной магии, вытягивающей все человеческие чувства каплю за каплей, от вызывающих лишь отвращение клиентов, от никак не желающих оставить меня в покое пограничников. От слабости, приходящей тогда, когда отпускаешь демонов – отрываешь с частью себя, своей души и своей сути. От призраков и их глупых Последних Желаний, и от людей, которые когда-то верили в меня, хотя я все равно не могла бы оправдать их ожидания. Я не такая.

“Эй, призрак, ты все-таки зря на меня ставил”, – проносится в голове четкая, окрашенная горечью мысль. – “Не получится у меня расследования. Лучше бы сразу убить себя приказал”.

А потом кто-то отрывает от меня демоническую тварь. Тихо, но отчетливо хрустят кости, затихает в холодном воздухе предсмертный всхлип. Нога в тяжелом, подкованном железом ботинке пинком отправляет обмякшее тельце, разом переставшее быть большим, мохнатым и угрожающим, на рыхлую землю у моих окровавленных ног.

Я молча смотрю на своего спасителя. Защитника. То, что я все-таки успела вызвать с той стороны. Или, вернее, кого.

▲ Он высокий и худощавый, но не такой болезненно тощий, как Тухля. Под черной рубашкой угадываются напряженные мускулы, с пальцев все еще капает теплая кровь. Смуглая кожа, почти как у меня, но волосы светлые, будто бы выжженные равнинным солнцем почти до белизны. Взгляд с прищуром, настороженный. Амулеты потрескивают от переполняющей их энергии смерти, темной, как у равнинных колдунов. Глаза похожи на бездонную черную яму – ни зрачка, ни радужки, одна пульсирующая, затягивающая тьма.

Губы медленно кривятся в до боли знакомой ухмылке.

– Теряешь сноровку, ведьма. Еще чуть-чуть, и пришлось бы тебя по кусочкам собирать, – опустившись на одно колено, демон быстро ощупывает мои изодранные ноги. Судя по пронизывающей при каждом прикосновении боли, нервные окончания целы, значит, не все так плохо. Боль – неизменный спутник жизни.

Его пальцы сильные и теплые, и на мгновение меня накрывает странное желание притвориться, будто я не знаю, что он такое и откуда взялся. Мгновение мне хочется верить, что он настоящий.

– Идти сможешь или придется тебя тащить? – деловито интересуется демон, поглядывая на наползающую с востока тьму. Я поворачиваю голову в ту же сторону, и в молочно-белой мгле тумана различаю движущиеся темные силуэты. Равнинные твари, выходящие по ночам на охоту, учуяли запах крови и смерти, и через пару минут у кладбища соберется целая свора голодных демонических созданий.

– Кто ты? – хрипло выдыхаю я. Абсурдный вопрос, заданный в особенно подходящий момент, но мне нужно услышать ответ, получить подтверждение. Убедиться, что мои мысли верны.

– Рыцарь в сияющих доспехах, – хмыкает демон. – Кого хотела, ведьма, того и получила. Целиком и полностью в твоём распоряжении.

– Никого я не хотела, – себе под нос бормочу я.

Демона-защитника, да, но уж точно не такого.

Защитники безлики, не похожи на людей. Просто собрание мелких демонов, слепленных в абстрактное целое – целое, которое может убивать любого, осмелившегося приблизиться к вызвавшей ведьме. Защитники не говорят, не мыслят. Не отшучиваются. Не оценивают обстановку.

♣ Даже собранные из частичек энергии мертвых душ, демоны-защитники не принимают человеческий облик. Не становятся точной копией призрака, связавшего меня Последним Желанием. Не оборачиваются несуществующим уже в мире живых пограничником, с точностью до последней черточки повторяя его образ. Если бы не глаза, наполненные пульсирующим мраком глаза потустороннего демона, я бы не отличила копию от оригинала.

Демон насмешливо выгибает бровь.

– Так что, Принцесса, совершаем ритуальное самоубийство? Или все-таки поищем для тебя крышу над головой и парочку лечебных повязок?

И, не дожидаясь ответа, Тень-демон легко поднимает меня на руки и уверенно направляется в сторону магического квартала. Равнинные твари провожают нас разочарованным воем.

***

Не думала, что когда-нибудь так обрадуюсь пестрым шатрам ярмарки. Но после произошедшего на кладбище, после давящей влажной пелены тумана и медленно наползающей из-за мокрых надгробий тьмы, освещенный факелами квартал кажется благословенным убежищем.

Тень-демон – или как еще можно назвать вызванное мною к жизни существо? – переносит меня за линию ограждений так легко, будто он и не демон вовсе, и магическая защита совершенно не причиняет ему боли. Я кое-как смогла замедлить кровотечение, впитав немного энергии демона, но полностью остановить кровь не удалось, и редкие красные капли отмечают наш путь по пыльной мощеной улочке, пересекающей ярмарку насквозь. Городские маги, перешептываясь, смотрят нам вслед, но ни один не делает ни единой попытки подойти и помочь – впрочем, как не выражают и особого желания бежать куда подальше. Если вспомнить, что в неярком свете факелов тьму в глазах Тени-демона не так просто разглядеть, то наверняка они видят обыкновенного пограничника, несущего на руках раненую равнинную ведьму. А пограничники магам не друзья.

Чуть опережая нас, растрепанная девчонка-подросток снует из палатки в палатку – видимо, передает новости. Стоило бы приказать демону задержать ее, но я решаю, что Тухля по – любому так или иначе уже услышал о моем появлении на ярмарке и успел убраться ♣подобру-поздорову. Да и выяснять отношения с ним я все же малость не в форме, а вот место, где спокойно можно провести ночь и подпитаться энергией, лишним не будет.

Я не указываю дорогу, но демон каким-то непостижимым образом находит ее сам, уверенно лавируя между хаотически разбитыми шатрами. Возможно, ориентируется по запаху – это самое приятное из приходящих мне в голову объяснений. Другое же, по сути, невозможное предположение, что помимо внешности демон приобрел и воспоминания Тени, пугает меня. Одно дело оболочка. За нее нет смысла держаться, цепляться, привязываться. Но совсем другое – отправить назад существо, вобравшее в себя квинтэссенцию чьей-то ушедшей души.

Души, которая никогда больше не вернется.

Демон останавливается у знакомого шатра на краю ярмарки. Высвобождает одну руку и откидывает в сторону пестрый полог.

— Есть кто дома?

В ответ тишина, что неудивительно. Если мой добрый друг действительно натравил ту тварь с кладбища, он, несомненно, удрал бы, только прослышав, что пограничник со мной на руках пересек черту квартала.

Внутри темно и тесно. Пахнет какими-то курительными смесями, причем едва ли безобидными. Демон опускает меня на низкую лежанку, насквозь пропитавшуюся запахами этой части ярмарки — выгребной ямой, сладковатыми благовониями, жжеными костями и дымом. Зажигает пару тонких свечей. Слабые пляшущие огоньки освещают жилую часть палатки — низенький столик, заваленный всякими наполовину готовыми магическими штуковинами, закрытый шкафчик, жаровню, самодельный жестяной рукомойник.

В среднем ящике шкафа находятся и средства первой помощи — у любого мага они есть. Я осторожно выдавливаю лечебную смесь из травяного мешочка на раны — прямо так, не промывая и не накладывая повязок. Для начала попытаюсь унять боль и поднакопить сил, а потом уже займусь заживлением. На талисманы Тухли кохусь с опаской — кто его знает, вдруг они взорвутся у меня в руках. Маги частенько встраивают внутрь всякие сюрпризы.

Взгляд цепляется за браслеты на руках Тень-демона. Тонкие серебряные полоски все еще светятся от скопившейся внутри темной энергии. Тоже опасная штука, но все же лучше, чем вещи городского мага, который, возможно, пытался меня убить.

— Снимай побрякушки, — коротко приказываю я. С демонами надо так — жестко и беспрекословно, чтобы не забывали, кто здесь хозяин. Пусть я и проводила вызов ослабевшей и в экстремальных условиях, а демон все равно появился и спас мне жизнь, расслабляться не стоит. Мало ли, что с той стороны вылезло.

Тень-демон послушно стягивает пару браслетов и роняет их на лежанку рядом со мной. Стиснув в ладони холодное серебро, я вбираю в себя темную силу, чувствуя, как постепенно заполняется тянущая пустота внутри. Могущественной Черной Луной я еще долго не буду, но и выжженной до дна ведьмой тоже. Демон наблюдает за мной молча, чуть кривя губы в странноватой гримасе.

— Тебе надо отдохнуть, Лу. Я посторожу.

С тихим шелестом полог опускается за его спиной. Хочется крикнуть вслед, чтобы он не называл меня Лу, но боюсь, что на крик меня уже не хватит. Потом.

Я откидываюсь на спину, закрываю глаза, глубоко вдыхаю, пытаюсь уложить в голове все произошедшее.

Пограничник Тень мертв. Кто-то убил его, стер последние воспоминания и предсказал, что Тень может попробовать зацепиться за меня Последним Желанием. Впрочем, не обязательно за меня, достаточно предположить, что пограничник будет готов отбросить все годами возвращаемые в нем предрассудки и связаться с любой абстрактной ведьмой. Может, и рановато пока кричать, что убийца Тень знает о вышедшей на охоту Черной Луне.

Тем не менее, меня уже пытались убрать. Тухля ли, мой старый добрый друг, натравил на меня тварь и по своей ли воле? Или я и тут тороплюсь с выводами?

Вспоминаю ее, странную тварь, выползшую при свете дня. Глупую и удивительно разумную. Сидящую возле защитного круга совсем как человек. Выжидающую. Метящую в уязвимые, незащищенные ноги.

Я чуть было не попала в последнюю ловушку и выкрутилась только при помощи демона.

Демона, вызов которого не завершила как надо.

Демона, которого вообще не стоило вызывать.

▲***

▲ГЛАВА 4. ГОСПОЖА ЛУНА

***

Я просыпаюсь в относительном полумраке. Свечи, зажженные ночью, до конца прогорели и погасли, оставив на столике лужицы застывшего воска. Но бояться нечего – солнечный свет пробивается сквозь неплотно задернутый полог жилой части шатра и длинными белыми полосками расчерчивает дощатый пол. Я лежу на боку, подтянув колени к груди, накрытая пестрым лоскутным одеялом. На душе удивительно легко и пусто, как будто привычный груз проблем покинул меня вместе с кровью и магической силой. Снаружи доносятся приглушенные голоса: один, хриловатый и усталый, незнакомый, но второй, с едкими саркастичными нотками, я знаю слишком хорошо.

Тень. Или, вернее, Тень-демон – конечно, не Тень, но и не просто демон. Существо, с которым определенно надо что-то делать.

С тихим стоном я перекатываюсь на спину. Жду, что тут же проснется боль, но вместо этого из-под пестрого одеяла высовывается темная мордочка Бряка, и демоненок, словно подлизываясь, трется о мое плечо.

– Вот только тебя здесь не хватало, – вполголоса возмущаюсь я. – Не звали ж.

Бряк только ухом дергает, не обращая на мое недовольство ни малейшего внимания. Впрочем, как всегда – это своевольное создание что прогонять, что звать бесполезно.

Бряк похож на вытертую плюшевую игрушку – маленький, ушастый, с мягкой на ощупь черной шерсткой и длинными коготками. Не стоит, правда, забывать, что вот эта вроде бы ласковая игрушка запросто отгрызет тебе палец, пока ты будешь сладко спать. А если не повезет, то не только палец – зубы у Бряка острые, а характер пакостный. Был на моей памяти один непонятливый колдун, до которого намеки в форме легких предварительных укусов не доходили... Бедняга!

Понятия не имею, почему Бряк ко мне прибился. На маму-демоницу я не похожа даже рано утром, когда меня разбудили раньше положенного. После череды бессонных ночей я действительно бываю и злая, и страшная, но все-таки не настолько страшная, как настоящая демоническая тварь. У тех густая черная шерсть по всему телу, желто-оранжевые глазищи, клыки и когти, а мне этого добра и даром не надо – меня и так моя наружность устраивает. Может, по меркам демонических тварей абсолютные жутики и могут считаться главными красотками, но мы-то, к счастью, не в мире тварей живем.

Как-то давно знакомые равнинные колдуны отловили одну такую красавицу с выводком детенышей. История зубастой мамы оборвалась хоть и трагично, но зато быстро, а вот маленьких демонят колдуны решили попытать подручными средствами, вспомнив, верно,

свое старое доброе детство и сотни замученных зверюшек. Часов через пять жалобные вопли встали мне поперек горла, и я выбралась из-под теплого одеяла, поругалась со всем уговорившим уже не первый десяток бутылок травяной настойки колдовским сборищем, отобрала последнего живого демоненка и отправилась обратно спать. В теории за ночь выживший демоненок должен был убраться от лагеря куда подальше, оставив пьяных колдунов с носом. Но на практике он нашел другое безопасное место — в ногах у спящей Черной Луны — и до рассвета скалил оттуда зубы бывшим мучителям. Колдунам же перспектива лезть за ним в палатку не улыбалась совсем — не сколько из-за меня, сколько из-за их же бравого предводителя, который по совместительству был истинным хозяином палатки и сладко спал в тот момент рядом со мной. В свое время все умудрились наслушаться баек про Черного Пепла и его изощренные жестокости, а проверять, досужие ли это слухи или нет, на своей шкуре никто желанием не горел. Да и реакцию главаря колдунов на то, что вместо юной ведьмы рядом с ним вдруг обнаружится небритая мужская рожа, легко можно было представить. Вот никто и не рискнул. Ни в ту ночь, ни позже.

Расчет Бряка — из всех зол выбрать самое большое и злобное — оказался верен. Самого Черного Пепла пытки демонят никогда не интересовали, а колдуны своего предводителя если до позорно мокрых штанов и не боялись, то опасались уж точно, и ни с ним, ни со мной из-за такой ерунды, как наглый демоненок, связываться не хотели. Вот Бряк, пользуясь положением, и издевался над обидчиками по-всякому и по-разному. Говорили, он даже слопал колдуна-инициатора пыток — во всяком случае, пропал тот подозрительно близко тому к моменту, как Бряк приволок из леса несколько обглоданных человеческих костей и пару дней всячески ко мне подлизывался, чтобы я сделала их них амулет-погремушку. Слопал ли он в итоге колдуна или не слопал, я разбираться не стала, но амулет сделала и в его честь окрестила зверушку Бряком.

В конце концов, наши дорожки с колдовским сообществом под предводительством Черного Пепла разошлись, а демоненок Бряк все равно остался со мной. Черт его знает, почему. По привычке, может — или боялся, что когда меня рядом не будет, Черный Пепел не станет его терпеть. Так или иначе, в любви и заботе Бряк никогда не нуждался, особых неудобств не причинял, и я махнула на него рукой — пусть себе таскается следом. Тем более, он научился мастерски сооружать мне мудреные прически и вплетать в волосы дьявольские колокольчики — то есть, приносил пользу. Взамен я позволила ему спать, прижавшись ухом к моей груди — как и всех демонических созданий Бряка завораживали звуки бьющегося сердца. Главное, что съесть меня он никогда не пытался, покусать тоже — и мы относительноладили.

До этого момента Бряк не делал особых глупостей и не совался вслед за мной в пригороды, где у демонят жизнь бывает короткой и незавидной. Но сейчас он зачем-то приполз — возможно, почувствовал, что из-за Последнего Желания одного крайне приткого трупа, я еще не скоро вернусь на дикие равнины. Ну и свет с ним, как говорится, никто его насильно идти со мной не заставлял.

Пока я спала, кто-то снял с меня и заговоренную куртку, и рваные брюки. Судьба драных брюк меня не очень-то взволновала — невелика потеря — но вот куртка была любимая, трофейная. Тень наверняка еще долго скрипел зубами, вспоминая тот злосчастный день, когда он ее

лишился, а я посмеивалась всякий раз, стоило ведьмам спросить, откуда у меня взялась куртка пограничника и почему я ее ношу не снимая. Дело было в удобстве, само собой. Уж не знаю, кто ту куртку заговаривал, но поработал он на славу – так не каждая ведьма сможет. Даже я, к своему стыду, не сумела б.

Ноги больше не болят – мы, ведьмы, регенерируем быстро. Нам надо несколько часов очень глубокого сна, чтобы восстановить силы, и если мы эти часы переживаем, то просыпаемся уже почти как новенькие. Хорошо, конечно, что демон торчал поблизости, пока я спала – в состоянии глубокого сна ведьмы уязвимы как никогда в жизни. Но теперь, раз уж рваные раны на ногах затянулись темной корочкой, а болезненная пустота внутри заполнилась свежей энергией, демон-защитник мне больше не нужен. Самое время отправить его обратно, что бы он там по этому поводу ни думал. Большая часть защитников чаще всего думать не способны вообще, но, я подозреваю, этот конкретный демон вполне разумен – и еще как.

Вместо брюк треклятый благодетель оставил мне юбку – ярко-оранжевую, с выглядывающим из-под верхнего слоя броской ткани жестким краем черной нижней юбки. Когда-то я такие любила, но потом на собственном опыте убедилась, что на равнинах удобство предпочтительнее красоты. Да и само понятие красивой одежды у всех разное. Мне раньше нравились вызывающе-укороченные юбки, сетчатые чулки, замысловатые украшения, высокие сапоги на каблуках и кожаные куртки. Любила я и расшитые корсеты, и узкие брюки. Сторонники строгой нравственности долго время закатывали при виде меня глаза, пока несколько лет жизни на равнинах не приучили меня носить темное, заговоренное и практичное – никаких вам оранжевых юбок, оставленных щедрым благодетелем.

Понятное дело, показывать кое-кому, что он мало того, что наслышан о моих прежних вкусах, так еще с размером угадал, не очень-то хотелось. Но и ходить полураздетой тоже. А что еще в такой ситуации можно было сделать, кроме как натянуть то, что предложили?

Так или иначе, но вчерашнее происшествие вернуло мне подзабытую уже осторожность, и прежде чем выйти из шатра, я прислушиваюсь. И замираю, так и не отдернув пестрый полог.

На ярмарке царит тишина. Давящая, странная тишина – от нее звенит в ушах, а пальцы покалывает от нехорошего предчувствия.

В магическом квартале не бывает тихо – даже ночью. Тут готовятся снадобья, заклинаются вещи и – иногда – призываются демоны. Сюда зазывают клиентов, наперебой расхваливая товар, и здесь же обмениваются всеми возможными сплетнями – зачастую перекрикиваясь через всю улицу. Но сейчас снаружи тихо – как на кладбище.

Некстати я о кладбище вспомнила. Вчера в молочно-белой мгле тумана мелькал не один десяток темных силуэтов, и едва ли они успели за ночь заглушить свой голод. А если уж вчерашняя тварь не постеснялась напасть на меня при солнечном свете, то мало ли, что другим в голову взбредет. Может, их ни день, ни жилой квартал не остановит.

Я вынимаю нож из голенища сапога и зажимаю в руке. Бряк, почувствовав, как я напряглась, подбирает с лежанки серебряные браслеты демона и приносит мне, чтобы я надела их для дополнительной защиты. Я так и делаю. Вчера пришлось вытянуть

большую часть закачанной в них энергии, и, если придется с боем прокладывать себе дорогу с ярмарки, на колдовство силы не хватит. Первый удар они отразят, а вот дальше – уже хуже. С другой стороны, демона я еще не отослала, так что шанс у нас есть. Он вообще, как говорится, есть почти всегда.

Знаком посоветовав Бряку сидеть тихо, я отодвигаю полог и осторожно выглядываю наружу. Тут же выясняются две вещи. Первая – моего пробуждения ждали. Вторая – от демона вскорости избавиться не удастся.

– Так это и есть та самая девушка, попавшая в беду? – интересуется обладатель хрипловатого голоса.

– Да, – коротко соглашается Тень-демон. – Она самая.

Они расположились за пустым прилавком Тухли – незнакомец в кресле, а Тень прямо на столе. Мне хватает одного взгляда на них обоих, чтобы понять причину странного затишья на ярмарке – поторгуешь тут, когда на заднем дворе заседают пограничники. Причем Тень-то ладно, если к нему присмотреться, станет ясно, что он не пограничник вовсе, а демон, под пограничника шифрующийся, но вот его собеседник самый что ни на есть хрестоматийный охотник на ведьм. Мускулистый и широкоплечий, с коротко стриженными волосами и проступающей на висках сединой, на правой щеке виднеется выцветшая от времени татуировка пограничника. На коленях – внушительного вида ружье, наверняка заряженное пулями против демонов и демонических тварей. Человека-то любая пуля убьет, а вот над демоном придется потрудиться. В старину таких типчиков называли ковбоями, а в наше время кличут пограничниками старой закалки.

Он окидывает меня оценивающим взглядом с головы до ног – от носков черных заговоренных сапог до вплетенных в волосы серебряных бусинок. Потом с обманчиво дружелюбной улыбкой поднимается на ноги, откладывает в сторону ружье и протягивает мне руку.

– Капитан Сумрак. Вы, должно быть, Луна.

Ну, хорошо хоть не Черная – и то радует. Правда, за Черную меня бы уже давно заковали в кандалы и поволокли на костер, а не разговоры разговаривали. Кивнув, я слегка сжимаю сильную ладонь и недоуменно рассматриваю оставшуюся на пальцах темную пыльцу.

– Заговоренный пепел, – поясняет капитан. – Одержимым он руки жжет. Не очень-то вежливо, конечно, но осторожность никогда не помешает. Как у нас говорится – доверяй, но проверяй. Вы с Тенем, как я понимаю, старые знакомые? Работали вместе?

– Можно и так сказать, – соглашаюсь я. Во всяком случае, по моей карте убийство твари и прогулка до ярмарки вполне может считаться за совместную работу.

Капитан пододвигает мне кресло, а сам прислоняется к деревянному прилавку рядом с демоном. Тот за ночь умудрился разжиться форменной курткой, отмыть кровь и побриться, да и в целом выглядит подозрительно довольным. Да, ну конечно, показавшись капитану, он гарантировал себе еще минимум несколько дней в нашем мире – теперь стоит мне только попытаться отправить его обратно, как по мою душу прибегут рассерженные пограничники, обвиняя в умышленном и крайне циничном убийстве.

Вот черт! Посмотрела бы я, как демон расписывал Сумраку свое волшебное воскрешение. Врал, небось, умело и изворотливо, раз тот

даже пеплом проверять не стал.

– Тень про вас много рассказывал.

– Правда? – на мой убийственный взгляд демон отвечает вопросительно изогнутой бровью. Воплощенная невинность, со стороны ничего плохого и не подумаешь. – Хорошее, я надеюсь?

Капитан издает короткий вежливый смехок.

– Вы ведь сестра нашей Бриз, верно? Честно говоря, я вас старше представлял. Никак не привыкну, что ваша братия выглядит моложе положенного. Тень вроде бы тоже не мальчик – а больше тридцати никак не дашь. Да-да, я знаю, что вы с равнин, не переживайте, – как ни в чем ни бывало заверяет меня пограничник. Действительно, ну ведьма, ну и что? – Главное, Тень за вас ручался, а ♣я ему по части консультантов доверяю. Так что можете опустить, что вы там прячете за спиной – амулет или посох?

– Нож, – не моргнув глазом, закладывает меня демон.

Раздраженно передернув плечами, я выкладываю оружие на стол – так, чтобы до него легко можно было дотянуться.

– Сами же говорили – доверяй, но проверяй.

– И я уверен, у вас еще не один козырь в кармане, – соглашается капитан. – Но я предпочитаю считать, что вы девочка умная, и уже осознали – если бы мы хотели причинить вам вред, мы бы уже это сделали. Как-никак нас двое против вас одной.

На его месте я бы не стала так уверенно утверждать, на чьей стороне Тень-демон. Я и на своем-то не рискую, а я его, между прочим, собственноручно призывала.

– Допустим, я действительно умная девочка. Но можно спросить, в честь чего такая щедрость?

– Сразу видно, вы выросли при прежнем капитане и давно не были в городе. Времена сейчас другие, Луна, нравы другие, другая власть. Пограничники давно не убивают людей просто потому, что они им не нравятся. Даже равнинных ведьм, маскирующихся под городских магов. Не трудитесь возражать, – опережая меня, устало предупреждает Сумрак. – Я человек занятой, да и вы, должно быть, свое время цените. Нет смысла тратить его на ничего не значащие расшаркивания и уверения, что я все не так понимаю. Я не слепой и не глухой, иначе не прожил бы так долго. Тень объяснил, что вы помогаете ему в расследовании. Я согласен закрыть глаза на вашу классовую принадлежность до тех пор, пока вы носите браслет консультанта на видном месте и не злоупотребляете нашим гостеприимством, – он поднимается на ноги и забирает ружье, наглядно показывая, что аудиенция закончена.

– Ну спасибо, – себе под нос бурчу я, не совсем уверенная, кого надо благодарить – капитана пограничников или демона.

– Пожалуйста, – пропуская мимо ушей саркастичный тон, откликается капитан. – В следующий раз лучше сразу обращайтесь ко мне – и не связывайтесь с всякими шарлатанами.

***

– Будь так добр, объясни, что это было?

♣ Мои ладони, прижатые к груди демона, сияют. Колдовской свет должен причинять ему невыносимую боль, пронизывать насквозь, выжигать черную тьму из иллюзорной оболочки, и нормальному демону полагалось бы корчиться от боли и умолять о пощаде.

Этот же лишь скалится.

– Неразумная растрата энергии, – говорит он то, что я и без него

знаю. Вчера я лишилась почти всей колдовской силы, а сегодня трачу жалкие восполнившиеся капли на то, чтобы наказать зарвавшегося демона. Но иначе нельзя. Почувствовав слабость, демоны наглей. — Тебе совсем не обязательно искать повод, чтобы прикоснуться ко мне, ведьма.

Он смотрит на меня сверху вниз — двухметровое собрание теней, принявшее человеческую форму. Если бы я сомневалась, что гримаса на его лице выражает ехидство, его легко можно было бы прочесть в зеленых глазах...

В зеленых глазах! Еще бы капитан пограничников не стал даже подозревать, что перед ним может быть не Тень! У демонов и одержимых не бывает зеленых глаз — равно как не бывает синих или серых. Глаза демона — это концентрированная тьма, злая, пульсирующая энергия той стороны. У Тени же демона глаза насыщенно-зеленые.

Колдовской свет на моих ладонях гаснет. Я отступаю назад, но демон не двигается с места.

— Что у тебя с глазами?

Ехидства в демонической улыбке прибавляется.

— Иллюзия. Слышала о таком, ведьма? Кажется, в вашем мире популярно менять внешность по своему усмотрению.

— Зачем ты ее применил? Кто тебе приказал? Кто тебе разрешил?

— А ты бы предпочла, чтобы я предстал перед пограничниками в истинной форме? — вопросом на вопрос отвечает Тень. — Вы, люди, странные существа. Ты злишься, потому что я позаботился о твоей безопасности.

— Ты натравил на меня пограничников, — огрызаюсь я. — Едва ли это можно назвать заботой о безопасности.

— Они бы все равно тебя обнаружили, — пожимает плечами демон. — В данном случае разумнее было показаться им самой, чем оправдываться, уже будучи пойманной.

▲ — Ты должен был охранять шатер, пока я восстанавливалась, а не бродить по городу в поисках проблем.

— Твой сон оберегала маленькая тварь. И шатер твоего друга заговорен так, чтобы пропускать лишь немногих людей — близких ему, надо полагать.

— Мой друг Тухля пытался меня убить. А маленькая тварь, как ты выразился, приходит и уходит, когда ему заблагорассудится.

Светлая бровь саркастично изгибается.

— Он когда-нибудь покидал тебя в моменты величайшей опасности, ведьма? — демон выделяет голосом местоимение “он”, но я не могу точно разобрать интонацию, с которой он это делает. Возможно, с насмешкой, хотя не понимаю, что в этом может быть смешного.

Бряк, выискивающий среди амулетов Тухли что-нибудь костяное, косится в нашу сторону. Особой любви к большому родственнику он до сих пор не высказал, предпочитая держаться в стороне. Магические побрякушки и обожженные кости занимают его намного больше, чем наша с демоном перепалка.

В чем-то Тень-демон прав — когда жизнь становилась особенно жаркой, Бряк всегда был где-то поблизости. Вчерашняя ночь хороший тому пример. Но с другой стороны, Бряк и так почти постоянно бродит неподалеку от меня, а сказать, что я всегда в опасности, было бы слишком смело. Да и кто ж их, тварей, разберет, с чего им в голову

приходит к кому-то привязаться? Только черти чертей понимают.

– Ты боишься доверять тем, кто не связан обязательством, – негромко произносит Тень-демон. – Интересно, почему? Не веришь, что кто-то может выбрать тебя по собственной воле? Быть с тобой по собственной воле?

– Тебе положено молчать, пока не спросят, – обрываю я. – И исполнять мои желания.

Демон улыбается – неторопливой, ленивой улыбкой. Одним большим шагом он сокращает разделяющее нас расстояние до нескольких сантиметров, и я почти утыкаюсь лицом ему в грудь. Мне не надо даже перенастраиваться, открываться магическим силам, чтобы ощутить исходящую от него темную энергию той стороны. Воздух между нами и тот кажется загустевшим и дрожащим от жара.

В аду, говорят, всегда жарко...

♣ – Я именно это и делаю, Лу, – Тень-демон снова называет меня по имени, и я понимаю, что прежнее “ведьма” нравилось мне гораздо больше. Лу – это слишком лично, слишком.... – Исполняю твои желания. Даже те, которые ты сама не осознаешь и не можешь выразить словами.

Мне хочется отступить. Отодвинуться от него. Может, даже убежать.

Мне нравится эта мысль – сбежать из этого треклятого города. Обратно на дикие равнины, где летний жар уже спал, а холод еще не отправил постоянных обитателей в зимнее паломничество к югу. Снова стать сильной и могущественной – вернуть утерянную энергию и избавиться от лишних воспоминаний, ненужных сомнений. Отправить этого жутковатого демона обратно.

Нельзя верить и нельзя просить, но нельзя и бояться. Нельзя сдаваться и уступать. Демоны – мастера жестоких игр, но никто и не говорил, что быть ведьмой легко. Я знала, на что иду. Это не первый мой демон, в конце концов. И не второй. Я не позволю Теню-демону сломить мою волю. Не дам монете перевернуться, превратив меня из хозяйки в рабыню.

Я потрачу накопленную с таким трудом энергию? Ничего, зато послушный защитник нужен всегда. Еще будет время восстановиться.

Колдовской свет снова загорается на моих ладонях. Боль демона пахнет солью и талой водой. Кровь демона – темная, почти черная – дымится на свету.

– С этого момента ты будешь делать только то, что я выражу словами. Никакой собственной инициативы. Никакой собственной воли. Никаких собственных мыслей. Ты – мой защитник. Я – твоя госпожа. Это понятно?

– Да, госпожа, – бесцветным тоном соглашается демон. – Как скажете, госпожа.

Но когда я поворачиваюсь к нему спиной, мне кажется, что я ощущаю на себе насмешливый, пристальный взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную версию вы можете на страничке автора

https://feisovet.ru/магазин/Ловушка-для-Луны-Анастасия-Волжская?utm_content=286307464_286301626_0